

Ночной ветер развеял густой запах перегара, окутывавший Е Линьфэна. Стоило подойти чуть ближе, как в нос бил тяжёлый дух вина. Слуга в ужасе вытарашил глаза и принялся отчаянно подмигивать господину — его веки дёргались так, словно начался нервный тик. Однако Е Линьфэн и не думал на него смотреть, продолжая испытывать судьбу.

— Дома мне только и твердят, что я должен разыгрывать из себя великого небожителя перед чужаками, — разглагольствовал он. — Кормят какими-то постными помоями. Разве сравнятся они с вином и яствами в весёлых кварталах? А какие там красавицы... Самые нежные из них своими руками подносят куски к моему рту. Ох, а вкус...

Е Линьфэн зажмурился, смакуя воспоминания, и принялся ковырять в зубах бамбуковой щепкой. Закончив, он притворно-дружески похлопал слугу по плечу:

— Только не вздумай сболтнуть отцу, слышишь? Держи язык за зубами ради своего господина, и я в долгу не останусь.

Едва он договорил, как за спиной раздался яростный, сдавленный хрип. Глубокий мужской голос, едва ли не переходящий на рычание, выплюнул каждое слово по отдельности:

— Е! Линь! Фэн!

Молодой господин на мгновение окаменел. Он медленно обернулся и встретился взглядом с мужчиной, стоявшим за его спиной.

— Отец? — невинно поинтересовался он. — Что это ты среди ночи бродишь по двору, вместо того чтобы спать?

— Ты... Ты ещё смеешь спрашивать?! Ах ты, неблагодарное отродье! Клянусь, я переломаю твои собачьи ноги!

С этими словами отец Е выхватил метлу из рук замершего слуги и, перехватив её за древко, бросился на сына.

Не пить, не посещать злчные места, не шляться по ночам бог весть где, приходиться с поклоном по возвращении домой, не опаздывать к трапезе, заставляя старших ждать... Все эти семейные правила, установленные годами, Е Линьфэн умудрился растоптать всего за один день!

Раньше, даже обретя силу бессмертного, Е Линьфэн в страхе бегал бы от разгневанного родителя. Ему бы досталось, он бы молчал, а всё Поместье семьи Е стояло бы на ушах. Обычно всё заканчивалось тем, что он, дождавшись, пока отец выдохнется и выпустит пар, покорно опускался на колени, признавая вину. В серьёзных случаях просто запереть его в тёмной комнате было недостаточно — отец бил его до тех пор, пока гнев не утихал.

Но в этот раз Е Линьфэн даже не шелохнулся. Отец решил, что сын просто не смеет бежать, и, ослеплённый яростью, не заметил странного выражения на его лице. Метла со свистом опустилась сверху вниз. Видя, что сын не уклоняется, старик не стал сдерживать силу — в конце концов, тело культиватора крепкое, не развалится. Но удар не достиг цели: Е Линьфэн просто протянул руку и перехватил древко на лету.

Толстая рукоять из цельного дерева, способная проломить череп обычному человеку, замерла в его ладони, не сдвинувшись ни на дюйм. Отец Е не ожидал такого отпора. Пока он в оцепенении пытался осознать произошедшее, дерево под пальцами Е Линьфэна с громким треском лопнуло и рассыпалось грудой щепок.

В руках у отца остался лишь жалкий обрубок, которым уже никого не ударишь — только ладони занозишь. Е Линьфэн мельком глянул на обломки и слегка нахмурился:

— Я же говорил тебе, не покупай деревянные изделия в той лавке. Сплошной брак. Под видом цельного бруса подсовывают гнилушки.

Отряхнув ладони от древесной пыли, он снова посмотрел на отца, который от ярости уже не мог вымолвить ни слова.

— Из-за такого пустяка так злиться... — мягко, почти участливо посоветовал сын. — Если случится что-то по-настоящему серьёзное, ты ведь так и замертво упасть можешь. Отец, иди-ка лучше в комнаты, отдохни.

Его сын словно стал другим человеком. Отец Е смотрел на него налившимися кровью глазами. Его авторитет, выстраиваемый годами, был растоптан. Гнев окончательно вытеснил рассудок; решив, что рано или поздно сын сломается, он созвал всех слуг и дворовых рабочих Помесья семьи Е.

Е Линьфэн оставался невозмутимым. Он посмотрел на отца с чем-то средним между недоумением и жалостью.

— Отец, ты забыл, что я практикующий? — негромко спросил он. — Чтобы побить меня, запереть или наказать, тебе как минимум понадобится блокирующая верёвка. А иначе...

Он небрежно взмахнул рукой. Палки, верёвки в руках слуг и кнут, который отец успел прихватить у конюха, одновременно разлетелись в клочья.

—...всему Помесью семьи Е со мной не совладать.

— Ах ты, щенок! Против воли отца пошёл?! — Старик не мог ударить сына, поэтому лишь осыпал его проклятиями. Сначала он хотел просто проучить парня, но теперь ситуация зашла слишком далеко, и никто не хотел отступить.

Впервые отец по-настоящему осознал мощь своего сына, вернувшегося после обучения. Подросток, стоявший перед ним, казался чужим. Это был не тот ребёнок, которого он растил. Пропитанный винным духом, дерзкий и непочтительный, он не походил ни на него самого, ни на свою покойную мать.

Е Линьфэн широко зевнул и с явным раздражением спросил:

— Долго ещё этот цирк продолжаться будет? Я устал и хочу спать.

Беда, как известно, не приходит одна. В этот момент из-за ворот прибежал управляющий. Он тяжело дышал и, подскочив к хозяину, что-то быстро зашептал ему на ухо.

Шептал он тихо, но Е Линьфэн с его острым слухом разобрал каждое слово.

Похоже, весть о том, кто на самом деле владеет Лавкой каллиграфии и живописи «Встреча солнца», разлетелась по городу. Те важные господа, что недавно потерпели там убытки и потеряли лицо, наконец-то явились к порогу Поместья семьи Е требовать объяснений от главы рода.

«Как раз вовремя», — подумал Е Линьфэн. Если бы не выдержка, он бы рассмеялся в голос.

Отец Е мгновенно растерялся. Гнев сменился растерянностью, он то бледнел, то зеленел, но быстро взял себя в руки. Забыв о наказании для непутёвого сына, он поправил одежду и направился в парадный зал встречать гостей.

Е Линьфэн не мог пропустить такое зрелище. Он неспешно двинулся следом, а на выходе из заднего двора ещё раз обернулся к воротам.

Интересно, куда запропастился Линьгэ? Если он не вернётся сейчас, то пропустит самый важный момент в жизни своего брата.

В парадном зале отец Е преобразился. Подавив ярость, он принял величественную позу главы клана и начал беседу с представителями влиятельных семей города Хуафу. Выслушав поток жалоб и требований, старик уже собирался было усомниться в том, что его сын — владелец лавки, как вдруг в зал ввалился сам Е Линьфэн. Не утруждая себя приветствиями, он вытянул длинные ноги, уселся в кресло и беспечно подтвердил:

— Да, это я. Ну и что с того? Разве они не должны уметь проигрывать? Явились сюда, разыгрывают из себя невинных жертв... Неужели вы думаете, что ваша репутация дороже золота?

Отец Е с грохотом хлопнул ладонью по столу и рявкнул:

— Живо на колени!

— С чего бы это? — Е Линьфэн скептически спросил. — А если я откажусь?

Купцы, чиновники и богатеи, увидев, что даже глава семьи не может совладать с мальчишкой, разразились гневными выкриками и ядовитыми насмешками.

— Слышали мы, что младший Е — образец сыновней почтительности, а оказалось — всё притворство? Видать, за годы культивации совсем корни свои забыл?

— Столько лет созидалось Помесье семьи Е, и всё пойдёт прахом из-за одного высокомерного юнца. Эх, какая жалость...

— О каком бессмертии может идти речь? По мне так, он просто совесть свою растерял. Слава богу, у меня хватило ума не посылать своих детей к этим учителям.

— Господин Е, ну и вырастили же вы сына...

Отец Е задрожал от ярости. Е Линьфэн, видя, что обстановка накалилась до предела, решил подлить масла в огонь:

— Извиняться я не стану, и на колени не паду — даже не мечтайте. Впрочем, вам незачем винить всё Помесье семьи Е.

Отец уставился на него. Бить — бесполезно, ругать — бессмысленно. Ему казалось, что сын окончательно обезумел и решил погубить весь род. Неужели он вырастил волка в овечьей шкуре?

— Что ты мелешь?! — прохрипел старик.

— А что я мелю? Я лишь ищу выход, который устроил бы тебя, отец, — Е Линьфэн обвёл взглядом присутствующих господ, которые, казалось, готовы были разорвать его на куски. Ему было смешно: эти люди, привыкшие к власти и деньгам, считали поражение от «ничтожества» личным оскорблением, сравнимым с убийством родителей.

В этом они были до боли похожи на его отца. Для них внешнее величие было важнее всего. Можно потерять всё, но лицо — обязан сохранить. Чужое достоинство для них — пустой звук, но их собственный авторитет должен быть непоколебим.

— Если отец считает, что я опозорил семью и совершил тяжкое преступление, он волен изгнать меня из Помесья семьи Е. Вычеркните моё имя из списков, отрекитесь от меня. Тогда все их претензии будут касаться только меня одного, и ваша драгоценная семья не пострадает.

В зале воцарилась гробовая тишина. Отец Е застыл, не сводя глаз с сына, а «почётные гости» с нескрываемой злобой уставились на старика, ожидая решения.

Е Линьфэн хотел лишь спровоцировать отца на резкие слова, чтобы окончательно разорвать узы с этим миром, но в какой-то момент чувства захлестнули его. Он словно заигрался или кровь ударила в голову — он не смог ждать ни секунды и сам высказал то, что должен был сказать отец.

Они смотрели друг на друга: один — охваченный испепеляющей яростью, готовый уничтожить всё вокруг, лишь бы не уступить; другой — холоден и неподвижен, словно замерзшая вода, в которой отражался лишь ледяной блеск.

Е Линьфэн внезапно вспомнил свой сломанный меч. Ему перехватило горло, на душе стало горько и тошно, и он не смог выдать больше ни слова.

— Хорошо... Ну хорошо же... Ах ты... — Отец Е задрожал, его глаза покраснели. Но не успел он договорить, как в зал ворвался слуга. Он рухнул перед хозяином, задыхаясь от быстрого бега:

— Господин... Второй молодой господин... Молодой господин Линьгэ вернулся! И с ним... с ним ещё...

Следом за его словами в зал ворвался холодный поток воздуха. На пороге возникла фигура в лунно-белых одеждах.

Прибежавший слуга, заикаясь, ткнул пальцем в вошедшего:

— Он... я... я не смог его остановить...

Е Линьфэн резко обернулся, и его прошиб холодный пот. Впервые с тех пор, как он вернулся в город Хуафу, кто-то смог подобраться к нему так близко, а он даже не почувствовал чужой ауры.

Перед ним стоял мужчина с мягким, благородным лицом и правильными чертами. Его облик внушал невольное доверие и симпатию. Несомненно, это был заклинатель, чья мощь была бездонна. Аура, окружавшая его, напоминала тихую воду, стекающую с гор — на первый взгляд безобидную, но скрывающую в себе сокрушительную силу.

А следом за ним в зал вбежал тяжело дышащий и явно встревоженный Е Линьгэ.

Мужчина заговорил, и голос его звучал ровно:

— Так это ты и есть — Е Линьфэн?

<http://bllate.org/book/17497/1713999>